

Чехов и Москва

1.

— НУЖНО жить среди народа, а не на Малой Дмитровке, — любил говорить Чехов, давая литераторам советы путешествовать. — Увидите народную жизнь, будете почевать на глухих станциях, в избах...

И все же во всех скитаниях Чехова его всегда влекла к себе Москва.

Он любил Москву особой, лирической любовью.

«И все было мило для него, в Москве, — вспоминает С. Елпатьевский, — и люди, и улицы, и звон разных Никол Мокрых, и Никол на Щепках, и классический московский извозчик, и вся московская бестолочь. Отдыхните вы от Москвы и от московского плеврогита, проживет в Ялте два, три месяца и снова разговоры все о Москве».

2.

Шестнадцатилетний гимназист Антон Чехов впервые попал в Москву на зимние каникулы.

Брат Александр, студент и сотрудник юмористических журналов под псевдонимом Агафопод Единицын, показывал ему город, который юный Чехов уже знал по картинкам еще в далеком степном Таганроге.

Антон Чехов впитывал в себя атмосферу улиц и площадей, торговых рядов и окраин Москвы, любовался неповторимым ансамблем кремлевских стен и башен.

Это были первые смутные впечатления от города, в котором протекали затем годы жизни великого писателя.

В августе 1879 года Чехов приехал в Москву поступать в университет. Он стал студентом-медиком и окупился в жизнь московского университета. По свидетельству его товарищей, несмотря на нужду и необходимость ежедневно писать для юмористических журналов по одному, а то и по несколько рассказов, Чехов усердно посещал лекции и клиники и очень увлекался медициной. Знакомство с естественными науками раздвинуло горизонты Чехова как художника и оказало влияние на формирование его взглядов, привив ему научную объективность наблюдателя и исследователя. Надо не забывать, что в пору студенчества Чехова дарвинизм стал знаменем молодых московских профессоров К. А. Тимирязева, А. Столетова, Н. Умова и др. В области медицины работали такие крупные ученые, как Г. А. Захарьин, учитель Чехова, Ф. Ф. Эрисман, А. А. Остроумов и др.

Чехов слушал лекции передовых профессоров и по общественным наукам. Его увлекли живые, полные образов, чтения русской истории В. О. Ключевским. Он увидел картины быта Московской Руси, и это вызвало желание написать научный труд по истории медицины на Руси. Чехов усердно изучал старинные летописи, народные песни и былины, наслаждаясь чтением сочинений в московских книгохранилищах и знакомясь с ценнейшими экспонатами московских музеев.

В Москве Чехов увидел больших артистов, нередко вынужденных играть в плохих пьесах, и это навело его на мысли о необходимости реформировать театр, новатором которого он стал впоследствии.

Москва была для писателя большим культурным центром, где жили и работали настоящие, творческие люди, жаждшие счастья своей родине.

Но были в Москве и другие люди, другой мир, мещанский, самодовольно-купеческий, эгоистический, с крутыми правами дельцов-самодуров.

Этих людей, их мелкую, тусклую жизнь, их ничтожные интересы, их узенький кругозор разоблачал и высмеивал фельетонист Чехов в петербургских «Осколках». В июне 1883 года издатель «Осколков» Н. А. Лейкин предложил Чехову принять на себя составление «московского обозрения» — регулярно, два раза в месяц. Чехов должен был все выпустивать, бичевать, но ничего не хвалить, ни перед чем не умиляться.

Чехов принял заказ издателя. Он придумал два новых псевдонима — Рувер и Улисс. Короткие статьи-фельетоны — «Осколки московской жизни» — Чехов в письмах к издателю шуточно именовал «куплетами». Но с присущим ему серьезным отношением к писательскому слову даже в этих коротеньких заметках Чехов был ярок, оригинален и самостоятелен.

Он писал о жизненных мелочах: о проворовавшихся гласных думы, о дачниках, о неистовых любителях театрального искусства, о булочниках, запекающих в хлеб таракана вместо «изюмчика».

Два с половиной года Чехов был бытописателем московской жизни. Он искал материал всюду: в хронике утренних газет, в камере суда, в зоологическом саду, в ресторанчике «Венеция» на Кузнецком мосту, где

собирались газетчики. И все же приходилось сетовать на скудость сюжетов. «Фельетона пока нет, потому что материала буквально — ноль».

Все это были трудности литератора, выполнявшего «заказ» своего редактора-издателя «ничего не хвалить и ни перед чем не умиляться».

3.

Журналистская работа молодого Чехова в Москве дала ему прекрасное знание города. Сравнительно редко действие произведений Чехова происходит в Москве. И все же там, где писатель говорит о любимом городе, он чудесно воссоздает его неповторимый колорит.

Маленькой поэмой в прозе звучит описание птичьего торга в рассказе «В Москве на Трубиной площади».

Прекрасные жанровые картины купеческого «темного царства» замоскворечья развернуты в повести «Три года». Отец Чехова, Павел Егорович, служил в амбаре купца Гаврилова и жил с приказчиками за Москвой-рекой, так что писатель мог наблюдать этот трудный подневольный быт в натуре.

Немногими меткими штрихами Чехов рисует облик нарядной Петровки или хмурой Пятницкой улицы с ее часовнями, колокольнями и мещанским людом.

В разные периоды жизни Чехов жил то на Драчевке, то на Кудринской-Садовой в двухэтажном доме доктора Корнеева, то в маленькой квартире на Малой Дмитровке.

Он всегда в Москве был окружен друзьями, почитателями, соратниками, людьми литературы и искусства. Здесь, в Москве, возник и развивался театр, который стал единственно правильным в ту пору воп-

лотелем сценических образов Чехова. Здесь, в стенах молодого Художественного театра, вел автор «Чайки» принципиальные споры о своем искусстве с дорогими его сердцу друзьями К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко.

Здесь праздновал Чехов свои театральные триумфы, здесь мечтал он, уже смертельно больной, провести остаток жизни — в предчувствии счастливой грозы революции, надвигавшейся на Россию.

Когда болезнь загнала его в Крым, Чехов приезжал в Москву уже как гость, поселясь обычно в пятом номере Большой Московской гостиницы. Окна комнаты, так и прозванной «чеховской», выходили на Иверские ворота, и, прислонясь к стеклу, писатель любил смотреть, как в ночной тишине стекались богомолы к часовне у Иверских ворот, как стремился поток людей к Красной площади.

И кто знает, о чем мечтал тогда великий писатель? Какие образы будущего раскрывались перед его взором, всегда устремленным вперед?

Можно сказать с уверенностью, что Чехов ненавидел застывший самодовольный мещанский быт богатых кварталов дореволюционной Москвы. Вместе со своим героем, типографом Сашей из повести «Невеста», Чехов верил в новые времена:

— Все полетит вверх дном, все изменится точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные великоленнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди...

Александр Дейч.

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

МОСКВА

- 8 ИЮЛ. 1944